

18+

КАЖДЫЙ ШАГ В ТЕМНОТУ

ВЛАДИМИР
ДИДЕНКО

Владимир Диденко

Каждый шаг в темноту

«Издательские решения»

Диденко В.

Каждый шаг в темноту / В. Диденко — «Издательские решения»,

Как только мечтательному писателю Артуру исполняется восемнадцать, родители отправляют его в долгий путь, который должен привести к главному зданию его детских грёз. Но вместо обещанного будущего герой оказывается впутан в череду суровых испытаний, о которых прежде и не подозревал. Среди грязи, холода и бесконечного одиночества он встречает тех, кто отказался подчиняться правилам, но вскоре понимает, что у любой свободы есть своя цена.

© Диденко В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1: «Последний стук дождя по крыше дома»	8
Глава 2: «Великое путешествие»	15
Глава 3: «Синий дом со светлыми окнами»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Каждый шаг в темноту

Владимир Диденко

© Владимир Диденко, 2026

ISBN 978-5-0069-8982-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Быть может, по толщине книжки, которую вы держите в руках, этого не сказать, однако история эта получилась у меня удивительно длинной, особенно с учётом того, как спонтанно я её записал. Местами мне удалось сделать её настолько подробной, что иному читателю будет сложно поверить в некоторые приведённые мною детали, однако могу уверить, что писал лишь то, что слышал, не дополняя никакими собственными фантазиями.

Пишу я эти строки, сидя в поезде, что с успокаивающим постукиванием отдаляется от города Хтинска, в окрестностях которого я был вынужден проживать крайние две недели. Я говорю «вынужден», ведь в моих планах посещения этого города не было вообще. Всему виной огромная снежная лавина, которая накрыла все возможные пути из него в нужном мне направлении.

Хтинск расположен в горной местности, тут живёт порядка пятнадцати тысяч человек, и они крайне редко выезжают за его пределы, к тому же зима эта выдалась весьма холодной — по ночам температуры доходили до -35° С. Это стало сюрпризом даже для меня, хотя мой путь изначально пролегал ещё севернее.

Я ехал два дня, поезд был наполовину пуст, и в моём купе никого не было. Я наслаждался кальмарами в вагоне-ресторане, делал много вдумчивых пометок в своей записной книжке, наблюдал из окна за бескрайними далями снежных еловых лесов, сознавая, что их силуэты навсегда останутся в моей памяти, и мне никогда не надоест ими любоваться. И вот, мне ехать ещё три дня, а тут, всё, видите ли, внезапная остановка. Лавина. Накрыла часть пути, возможны разрушения. Поскольку, как я уже сказал, людей в поезде было немного, всех удалось заселить в единственную городскую гостиницу, что находится в трёх километрах от вокзала. Мне выделили номер на третьем этаже, я еле затащил свой багаж, забираясь по высоким ступеням, однако наверху меня ждал потрясающий вид из окна, ради которого я мог бы пройти так ещё раз. Здание гостиницы расположилось на верхней части Хтинска, так что оттуда можно было увидеть не только ближайшие поля, расположенные в долине и наполовину скрытые туманом горы, но и большую часть города, что сияла тёплыми огнями внизу.

На первом этаже был ресторан. Нам сказали, что кормить будут бесплатно до тех пор, пока проблемы с дорогой не решатся, однако бесплатное меню мне довольно быстро надоело, и я почти каждый день баловал себя какими-нибудь излишествами из других городских заведений.

На север я ехал отдохнуть, без какой-либо другой определённой цели, посему эта спонтанная остановка в довольно красивом городе не стала для меня трагедией, хотя и, признаюсь, я немного забеспокоился по истечении первой недели. Потом нам рассказали о разрушении дороги, и что на восстановлении повреждённого участка потребуется ещё неделя. Тогда возникшая, пускай и не очень радостная, определённая меня немного расслабила. К тому же, примерно в те дни я понял, что могу провести здесь время куда плодотворнее, чем полагал ранее. Всё из-за одного знакомства. Загадочного с виду человека лет семидесяти пяти.

Мы встретились одним снежным вечером в пабе. Невысокого роста, он ходил немного ссутулившись. Его подуставшие карие глаза прикрывали седые кудри. Я делал очередные заметки в своём дневнике за доброй пинтой тёмного эля, а он подошёл ко мне и поинтересовался:

— А вы случайно не писатель?

— Нет, — усмехнулся я. — То есть... Не особо.

После возникшей паузы, в течение которой он как-то странно, и очень по-доброму на меня смотрел, я решил, что не могу не спросить:

— А почему вы поинтересовались?

И тогда он мне рассказал, точнее начал рассказывать про своего прапрадедушку, который был настоящим писателем. Рассказывал он с таким увлечением, так долго, но так интересно и живо. От усталости в его глазах не осталось ни следа. Уже стало светать, я слушал и слушал, периодически закрывая глаза и представляя, как некоторые описываемые им лица оживают и будто даже иногда обретают звенящие в голове голоса.

Утром паб закрылся, и мы договорились встретиться вновь на следующий вечер, и тогда он продолжил. Всю неделю я жил его историей, историей жизни одного человека, который был собеседнику прапрадедушкой. Историю, которую ему рассказывал отец, а тому — его отец, которую его семья передавала из поколения в поколение в надежде, чтобы её услышал кто-то ещё, услышит и полюбит её не за родственные связи с её главным героем. Но никто не слушал. Так сказал он. Никто не слушал, кроме меня. Впрочем, я быстро понял почему. Дело всё в её местах нарочитой надуманности, в том, что звучит она порой немного абсурдно, будто за годы своей жизни мой рассказчик многое успел подзабыть, и заполнил все пробелы своими фантазиями, однако меня это не оттолкнуло. Напротив, меня привлёк этот оттенок сказочности в ней. Смотря в эти настолько необычайно живые карие глаза моего нового знакомого, я быстро принял всю специфику формы его изложения, так, словно его искренняя вера в рассказ меня подкупила. И, возвращаясь в свой номер, я не ложился спать, а брал ручку и записывал то, что помнил, стараясь не упустить ни единой детали.

Что ж, надеюсь, у меня получилось.

Глава 1: «Последний стук дождя по крыше дома»

С высокими каменными стенами, острыми шпилями на стройных башнях, элегантными стрельчатыми арками, с захватывающими дух витражами, окрашивающими солнечный свет, падающий на узорчатую плитку полов, brutальными контрфорсами и ребристыми сводами, удерживающими тяжёлые потолки, оно стояло среди зелени полей и лесов Марийской земли, стояло и с нечеловеческим терпением ожидало. Через его высокие пороги прошёл в своё время каждый житель окрестных областей, каждый сидел за его столами, на лицо каждого падал его свет. За каждым наблюдали каменные гаргульи, сидящие на стенах, каждого сопровождали гуляющие по коридорам ветра и каждого выпускали оттуда после нескольких лет плодотворных трудов, подробных учений, благодаря которым юноши и девушки наконец могли смело вступать во взрослую жизнь, что уже ждала их с коварно распростёртыми объятиями.

С достижением восемнадцатилетия начинался этот путь. Пять лет — столько, в среднем, было нужно, чтобы его пройти. Пять лет в окружении древних каменных стен, у всех без исключения. И всем без исключения об этом родители рассказывали ещё в детстве, как сказку, которая в один момент воплощается в жизнь, рассказывали, часто бессовестно романтизируя каждую деталь своего рассказа так, что в один момент детей в этих историях более не беспокоила необходимость разлуки. Так, что они начинали этого хотеть.

И Артур Буцман, ещё совсем маленький, не выдавший даже малой части окружающего его мира, не успевший полюбить хоть белый потрескавшийся потолок над своей кроватью, уже смотрел на красочные рисунки витражей и огромных узорчатых стен и уже думал о том, каково будет ему оказаться там.

Сам он жил в Хтинске, довольно большом городе, широкие земли которого расположились неподалёку. Жил он там с самого рождения, жил и никогда не бывал нигде более. Родители его не считали это крупным упущением, полагая, что всему своё время, и будет куда лучше, если он сам выберет направления своих путешествий в осознанном возрасте.

Хтинск же был городом очень старым и небольшим, найти жильё родителям Артура в нём оказалось проще всего, ведь за те деньги, за которые можно было приобрести себе одну комнату в столице, здесь можно было взять целых четыре. К тому же комнаты эти отличались особым простором, а старые каменные стены очень хорошо удерживали тепло в холодные месяцы.

Город, почти со всех сторон окружённый горами, тянулся к обычно пасмурному небу высокими башнями, шпилями, золотыми куполами церквей. Вернее, потянулся более сотни лет назад и замер, признавая свою неспособность. Способен он был на другое, способен он был оставаться домом для каждого его жителя в любую погоду, будь то грозовой ливень или морозный буран. Способен согреть всем, что только обладает таким свойством, от тёплого света, льющегося из окон, до духоты подземных кабаков и тысяч уютных кроватей, спрятанных за широкими стенами старых, но верных домов.

И Артур это чувствовал, ведь стал любить свой город ещё в детстве, пускай и не знал тогда, каким словом назвать это чувство. Много чего он тогда не знал. Но тем не менее, продолжал жить, ощущать и познавать то, что жизнь приготовила на его длинном и с каждым годом всё более интересном пути.

История наша о нём — мальчике из обычной семьи, обычного дома, с обычными родителями и деньгами. С обычным солнцем над головой и не менее обычными мечтами.

Всё у него было как у всех, но в один момент кое-что изменилось. Конечно, это произошло не случайно, на всё, как известно, в этом мире есть чья-то воля, и Артуру открылся невероятный дар, дар видеть мир таким, каким не видел его никто из его ровесников. Никто из родных, никто из тех взрослых, с которыми он встречался. И началось всё, как всегда, безо всякого предупреждения. Вместе с очередным новым днём.

Один раз, в прохладное октябрьское утро, когда Артуру было пятнадцать лет, солнце разбудило его раньше родителей. Он взглянул на часы и, узнав, что ещё нет и девяти часов, сперва решил поспать ещё. Прижал подушку к уху, закрыл глаза, но что-то не давало ему заснуть, у него от чего-то совсем не получалось сомкнуть глаза. То ли прохладный, но ласковый ветерок, что подул из-под дверной щели, то ли далёкий бой церковных колоколов. Он встал и решил сходить за продуктами сам, пока родители ещё не проснулись. Он схватил несколько купюр из банки, что обычно стояла на тумбочке у входа в дом, надел куртку и вышел на улицу.

Солнце светило так ярко, как не светило давно. Синеву неба не прикрывало ни одно облако. Город как-то изменился под этим светом, стал совсем другим, будто праздничным: дома засияли под яркими лучами, между их стенами золотыми бликами мелькали листья осин, а по пути до магазина встречалось удивительно много улыбающихся людей. Артур шёл не торопясь, делая медленные вдохи прохладного, но отчего-то, как казалось, небывало чистого воздуха, который хотелось вдыхать ещё и ещё.

Когда он дошёл до магазина, он вдруг остановился, глядя на его всегда загадочно тяжёлые входные двери. «А может, не стоит туда идти? — подумал Артур. — Ведь если я сейчас зайду внутрь, мне придётся покупать все товары из списка и потом сразу тащить их домой, ведь таскаться с тяжеленным пакетом — совершенно плохая затея. А ведь сейчас вокруг так красиво! Может, мне бы всё же стоило сначала пройтись, а уж потом вернуться за покупками?» Артур стоял у входа ещё минуту, а потом на его лицо упал солнечный луч, который секунду назад прикрывали густые ветки липы, что теперь покачивалась на ветру. Он улыбнулся, немного шурясь, и зашагал мимо дверей. Шаги ощущались так легко, хоть и секунду назад он представлял, как ему может влететь от родителей за это решение. «Я просто им не скажу.» — решил он тогда, когда почувствовал очередной глоток свежего октябрьского воздуха.

Через пятнадцать минут он подошёл к старому каменному мосту, который переходил через ручей и соединял главную часть города с его небольшим районом под названием «Цветочный остров». Хоть островом он и не был, да и цветов там встречалась не так много, Артуру он очень нравился, как минимум из-за своей тишины и того количества другой растительности, которая очень здорово оживляла его, не так, как какую-либо другую часть города. Плющ так по-дружески оплетал часть вековых домов и жил с ними в сплошной гармонии, как и весь остров жил в гармонии с любой погодой, которая на нём бывала.

Артур долго стоял на мосту, слушая как журчит вода, обтекая гладкие камни, которыми было устлано всё дно. Потом он сошёл с моста, прошелся по острову, поздоровался с подругой детства, голубоглазой блондинкой Эльфиной, которая ходила по своему двору в красной шапке с помпоном, а потом, совсем не торопясь, направился в сторону магазина.

Родители, как выяснилось, проснулись буквально за несколько минут до его возвращения домой. Когда дверь в тёмный дом открылась, первым делом Артур увидел взволнованное лицо матери, на котором тревога вмиг сменилась на злость, как только она его увидела.

— Артур, как ты...

А потом она увидела в его руках мешок с покупками и немного успокоилась.

— Я ходил в магазин, — на всякий случай пояснил Артур.

— Да... Я...

Она открыла дверь полностью и встала в сторонке, пропуская Артура внутрь.

— Почему ты не дождался нас? Мы поздно никогда не встаем.

— На улице сегодня так красиво, — не стал врать Артур. — Я боялся, что солнце скроется, и не хотел вас будить.

Он заметил отца, что, немного нахмурившись стоял у дверей в гостиную.

— Там холодно, — сказал тот.

— Я не замёрз.

— Как долго ты там был?

Артур посмотрел на часы. Он вышел на улицу почти час назад. Судя по словам мамы, и по тому, что они ещё в халатах, проснулись они совсем не так давно. «Стоит ли сказать правду или можно позволить себе немного её исказить?» Взгляд упал на пол гостиной, на который, сквозь прозрачные шторы светило солнце.

Артур повернулся на отца.

— Всего минут 15, как обычно, — сказал он.

В тот день, когда он вернулся в свою комнату, он сел за письменный стол, посмотрел наружу и решил, что хочет о нём рассказать. Очень хочет, но рассказать ему некому. Тогда он открыл полку в столе, достал оттуда стопку бумаги, взял банку чернил и принялся писать. Поначалу получалось с трудом, а потом рука словно разогналась, и сама заскользила чёрными чернилами по белой бумаге, как летняя обувь скользит по декабрьскому льду. Он писал и писал, остановился через часа четыре, когда родители позвали его обедать. Он посмотрел на исписанные сверху донизу листы бумаги, двинулся к выходу из комнаты. Лишний раз ненадолго остановился и взглянул на окно.

Солнце все ещё не скрывалось.

Когда он, вечером того же дня, пытался уснуть, лёжа в своей мягкой кровати, укрывшись большим пуховым одеялом, он подумал, что завтра попробует писать ещё. А потом ещё и ещё. Он так замечтался и вдруг почувствовал тихое сомнение: «О чём мне писать завтра? — подумал он. — Сегодня я так хорошо погулял, светило Солнце, пели птицы. Всё, это было так волшебно и необычно, но что же будет завтра? Я же не пойду так гулять вновь на следующий же день. Тогда родители-то точно что-то заподозрят. А если у меня и получится, нового я вряд ли что увижу...»

Он уселся на кровати и посмотрел за окно. Дневное золото там уже как несколько часов сменилось ночной синевой. Светила Луна, и Артур подумал, почему бы не погулять сейчас? Сейчас тоже очень красиво, да, пускай не так как днём, но... *Тихо*. Всё-таки страшно. Артур лёг обратно в кровать и заснул через несколько минут.

Конечно, его опасения не оправдались. Следующее время он писал каждый день, и сюжеты для его сочинений будто волшебным образом находились как-то сами. Иногда он описывал свой дом, иногда находил вдохновение в каких-то детских историях. Он показывал свои произведения родителям, но те относились к ним довольно скептически. Конечно, порой они и делали вид, что им нравятся, что они хотя бы заинтересованы, но не более. Когда он читал, их интерес куда-то пропадал: они начинали зевать, оглядываться по сторонам, иногда даже о чём-то коротко перешептываться, старались делать это незаметно, но получалось не очень. Артура, однако, не особо волновало их отношение к его творчеству, ведь оно ему не мешало: они не могли запретить ему писать. Поэтому вскоре он перестал им что-либо читать.

Прошёл год — его сочинения стали рассказами. Созданные во многом по мотивам сказок, которые ему читали в детстве. Артур не стал сковывать себе дисциплиной и стараться соблюдать какую-то норму написанного в день или неделю. Он просто писал тогда, когда ему хотелось. Перерывы могли затягиваться: как-то он не писал целых три месяца. Никак не мог понять, о чем он хочет рассказать, но вдруг случилось то, что его вдохновило. Вроде ничего особенного, но он остался под неожиданно приятным впечатлением от одного осеннего дня.

Он совершал очередной поход до магазина и на подходе к его неизменно тяжелым дверям повстречал выходящую из них Эльфину. Они поздоровались и решили немного пройтись, Артур подумал, что прогулка до мостика только украсит его день.

Было пасмурно, стоял ранний ноябрь. Деревья, вечно омываемые дождями, стали тёмными, почти чёрными, листья покрыли всю землю, где-то смешались с грязью, где-то прикрыли блестящие лужи, где-то просто легли ровным тёмным золотым ковром, с неба капал лёгкий дождь, а Артур с Эльфиной стояли на потемневшем от влаги каменном мостике и смотрели на журчащий под их ногами ручей.

Они говорили о многом, в том числе и о родителях. Эльфина говорила, что хочет уехать в столицу, но её не отпускают и, скорее всего, не отпустят. По её интонации и периодически опускающемуся вниз блестящему взгляду было видно, что она, хоть и расстроена, но всё же понимает, что сможет чувствовать себя хорошо и здесь, если не получится где-то ещё. Артур слушал её увлечённо, иногда смотря на ручей, изучая взглядом камни, лежащие на дне, иногда на неё, на её светлые щеки, и аккуратный нос, а иногда в голубые глаза. Такие, вроде, небольшие, но так неопишимо глубокие, сложные, такие же, как природа вокруг. Он никогда прежде об Эльфине много не думал. Для него она была просто подругой из детства. То есть, той, что иногда появляется в жизни, наверное, чтобы поддержать. Неосознанно, ведь для этой поддержки достаточно лишь появления.

Стоя с ней в тот пасмурный, но прекрасный день на мостике, он подумал, что она очень милая. Подумал и улыбнулся. Снова посмотрел на плавное течение ручья. Понял, что знает, о чём напишет, как вернётся домой. Ему было всё равно, отругают ли его родители или нет. «Скажу, была длинная очередь.» — решил он. Волосы Артура и Эльфины тронул лёгкий ветерок. Она на секунду прервала свой рассказ, коротко вздохнула, потом продолжила. А Артур продолжил слушать.

Шли годы, Артур вырослел, писал, не переставал учиться грамоте, и наслаждаться дыханием горных ветров. В свои семнадцать лет он, наконец, сознательно полюбил свой город, невероятно полюбил эти тёмные каменные замки, их шпили, уходящие в небо, часто будто стремясь разрушить потолок из облаков. Полюбил то, как летом их ласкает солнце, как его лучи искажаются, когда проходят через стёкла церковных витражей. Полюбил тишину осени, дожди, золото на дорогах, ручьи на асфальте и отражающиеся в них вечерние огни. Полюбил холод зимы, блики очищенного морозом воздуха, иней на волосах, что быстро тает, стоит только перешагнуть порог дома, полюбил кружащиеся снежные хлопья, медленно опускающиеся с неба, метель, звучащую свистом в оконных щелях. Он полюбил весеннее дыхание, тёплое и спокойное, первую зелень травы, пыль на асфальте, долгожданно сухой и такой тихий шаг по дорогам. Он, наверно любил это всегда, но только в семнадцать лет смог это осознать. И в очередной раз смог это описать, только совсем не одним абзацем.

А родители, как ему казалось, наоборот. С каждым годом они всё чувствительнее относились к каждому, пускай малейшему изменению погоды: прятались дома, как только видели тучи на горизонте, боялись выйти за порог в тридцатиградусные морозы, приговаривая «Да, зима выдалась холодной...», хотя каждый год она была одинаковой. Казалось, они со временем всё глубже и глубже прятались от всего того, что окружало их дом. Прятались сами и старались спрятать Артура, запрещая ему уходить далеко, а в непогоду и вовсе бывать на улице. Но он слушался не всегда.

Он все чаще ходил гулять надолго, не говоря об этом родителям. Хотел быть ближе ко всему этому, ближе, чем родители, которые спрятались за четырьмя стенами и потолком. И вот

однажды все изменилось. Когда одним майским днём отец зашёл в комнату Артура и позвал его в свой кабинет. На разговор.

Артур редко бывал в кабинете отца. В основном в детстве, тот показывал ему свою скромную библиотеку и иногда читал книги вслух, прямо там. Потом вместе они в него почти не заходили, иногда Артур оказался там, когда отец просил его что-то оттуда принести, если сам в это время был занят делом в другой комнате. Артур всегда представлял кабинет отца как полупустынное тёмное помещение с двумя шкапами, столом, вечно зашторенными окнами и кроватью, всегда до неестественности аккуратно заправленной. И в тот раз, когда отец позвал Артура на разговор, тот шагал до кабинета совсем не торопясь, потому что, хоть и не знал о чём пойдёт речь, предполагал, что ждёт его что-то нехорошее. Его опасения усилились, когда он зашёл и увидел, что внутри уже сидит мама.

Она сидела, чуть опустив голову. Рядом с ней на столе стоял чайник, около двух кружек, на донышке одной из которых ещё оставался чай.

— Садись, — сказал отец, и Артур сел на кровать.

Мать сидела в кресле, отец опустился на стул, что всегда стоял у стола. Он улыбнулся, но ненадолго.

— Ну что, сын, — начал он. — Тебе через неделю уже 18, ты это помнишь?

— Да. Конечно, что за вопрос? Да.

Отец чуть призадумался, потом продолжил.

— Ты помнишь, что это за возраст?

— Совершеннолетие.

— И что это значит? Для тебя.

Быть может, при другой, более естественной обстановке, Артур бы дал ответ на этот вопрос. В нём мало сложного, он лишь требует небольшого рассуждения. Однако тогда он немного растерялся. Отец и мать смотрели на него крайне пристально и серьёзно, так же как в тот день, когда он первый раз пошёл гулять до моста в одиночку.

— Я не знаю. Надо подумать.

— Я дам тебе правильный ответ, — продолжил отец. — 18 лет — это ответственность. Ответственность, которую ты будешь нести за свои действия. Её надо научиться нести. Совершеннолетний — значит взрослый, так?

— Да.

— Да. А взрослый это тот, кто умеет нести ответственность.

— Но я... Я думал, я...

— Умеешь? — перебил отец. — Ты умеешь достаточно для своего возраста, но сейчас тебе семнадцать лет, ты ещё не достиг совершеннолетия. Всё ведь изменится, как только достигнешь. Это — совсем другая ответственность, требующая совсем других знаний.

— Дорогой, что ты зациклился на этом слове? — вмешалась мама после того как сделала громкий глоток чая.

— Но ведь это главное.

— Главное, но он уже понял, что это главное. Да, сын?

Артур кивнул.

— Ты понимаешь, о чём мы сейчас говорим? Догадываешься, зачем этот разговор?

Почти всю неделю до этого момента Артур только и делал, что писал, ему в голову закрадась идея для повести, и он почти завершил её, так что вспомнить сходу ничего не мог. Не мог вспомнить даже несмотря на то, как много это «что-то» для него значило раньше. Только в середине разговора до него медленно стало доходить.

В памяти Артура начали потихоньку возрождаться давно забытые образы. Тёмные шпили, кружевные масверки, тяжёлые потолки над стрельчатыми сводами — слившись в единый орнамент всё это мрачным пятном возникало из с каждой секундой всё более осязаемого

пространства. Не уж то настал тот день? Тот самый день, когда надо уйти из привычной жизни в то самое здание, уйти учиться взрослой жизни, которая уже на носу.

Учиться, оставив всё?

— Кажется да, догадываюсь, — тихо сказал Артур.

Мама какое-то время молчала. Она было улыбнулась, но её насторожило выражение лица сына, такое тревожное, задумчивое. Как будто это не он десять лет назад любовался на рисунки того здания и говорил о том, как хочет там оказаться. Как будто бы не он так мечтал стать взрослым.

— Всё хорошо? — спросила она. — Ты будто совсем не рад.

— Нет, я... То есть да, всё хорошо. — Артур по-прежнему смотрел в одну точку. — Я просто совсем об этом забыл.

Отец усмехнулся.

— Да, — начал он шутливым голосом. — Заигрался ты тут совсем в писателя.

Эти слова выбили Артура из колеи, и он поднял голову.

— Что?

— Что? — отец будто не понял, что так смутило его сына.

— Я не заигрался. Я просто писал.

— Да, да. Писал. Посмотри.

Отец достал из полки фотографию и протянул Артуру. Тот помнил её, хорошо помнил. Именно её чаще всего родители показывали ему много лет назад. Именно на неё в детстве он смотрел чаще всего и взглянув вновь он будто снова там очутился. Не у здания, нет, в детстве. И именно это ощущение его тронуло.

Мать заметила на его лице едва проглядывающую улыбку и уж было подумала, что разговор налаживается, но та вскоре скрылась.

— Что есть общего у всех взрослых скажи, сын. Артур задумался, но ненадолго, ведь на этот вопрос ответить было легче. Родители не раз ему об этом говорили много лет назад, так что сейчас он мог просто цитировать воспоминания.

— У всех есть свой дом... И...

— И?

— Деньги.

— Вот, — кинул отец и потянулся за своей кружкой. — А ведь мы это обсуждали, то насколько они важны, верно?

Обсуждали, и Артур это хорошо помнил. Без денег у него бы не было ни еды, ни воды, ни одежды. Ни чернил, ни бумаги. Ни даже дома, так?

— Да, — кивнул он.

— Но важно запомнить, что берутся они не из ниоткуда. Они не растут на деревьях, не приплывают к тебе в бутылочках по ручью с того дня как ты становишься совершеннолетним.

— Труд, — сказала мама, посмотрев на него своими большими тёмными глазами. — Деньги можно заработать только трудом. И этому труду тебя тоже должны научить. Здесь.

Она ткнула пальцем на фотографию.

Артур прекрасно понимал, о чём говорили его родители. Более того, смотря на фото, что лежало перед ним, он поймал себя на ощущении не убавившейся приязни к этому зданию. Да, оно по-прежнему было волшебным. Хотя и не так, как раньше, но в нём было что-то, чего не было в зданиях Хтинска. Чем-то оно его манило, чем-то, что описать словами он не мог. К тому же он по-прежнему помнил определение взрослой жизни, которое ему дали родители. Образы этой жизни, возможности, комфорт. Имея свои деньги, свой дом можно было бы ни о чём не беспокоиться, ведь так? Можно было бы избавиться себя от ощущения неопределённости, которое порой настигает его тёмными вечерами. А ведь когда его нет, можно так многое себе позволить. Очень многое, вот взять хоть писательство. Будучи уверенным в завтрашнем дне,

можно было бы спокойно садиться за стол, брать ручку и погружаться в мир прозы с головой, совсем не думая о том, что будет вечером, что будет завтра. Всё ведь зависит от тебя, верно?

Но какими бы сладкими эти представления не казались, для всего этого ведь нужно уйти из той реальности, в которой Артур прожил всю жизнь, из той, что очень удобно сформировалась под него в последние три года. Придётся бросить всё, на несколько лет забыть дом, родителей, свою мягкую кровать, журчание ручья под каменным мостиком, голос Эльфины. Просто уйти, сознательно сдвинуть всё это с пути и оставив позади, шагнуть в новую действительность, шагнуть с асфальта на ещё не известную породу.

Не мог же Артур так поступить? Не мог.

Глава 2: «Великое путешествие»

В тот день светило солнце. Вообще оно нечасто показывалась в Хтинске весной, но, когда Артур с чемоданом в руке шёл по сухому асфальту, оно даже грело его, так, как весной прежде не грело никогда. Родители шли далеко впереди, они не оборачивались, поэтому Артур решил, что может не торопиться.

Всю неделю он провёл в сборах, вернее, так он эту неделю воспринял. На деле же, на то чтобы положить вещи в чемодан у него ушло всего два часа последнего дня, всё остальное время он сортировал свои рукописи, что-то перечитывал, что-то дописывал. Пару раз выходил на прогулку, однажды, буквально за два дня до ухода, он всё же решился выйти ненадолго ночью.

Небо было чистым, светила Луна и в отличии от большинства других ветреных ночей той весны, стоял абсолютный штиль. Артур старался вести себя очень тихо, пересекая порог дома, и как только вышел на асфальт, позволил себе немного расслабиться. Город был молчалив: улицы пустынные, лишь в паре окон ещё горел свет.

«Что сейчас за ними происходит, — подумал Артур. — Почему люди не спят? Может, кто-то работает, может, проводит время с друзьями.» Но вокруг было так тихо, что казалось, даже за этими окнами никто ни о чём не говорит, никто ничего не обсуждают. Все слышат то же, что и он.

Артур походил по двум ближайшим улицам и скоро вернулся домой. До мостика идти не стал, решил, это слишком далеко. Дошёл он до туда через два дня, с чемоданом в руке, освещённый уже не Луной, а Солнцем.

Артур остановился на его самой верхней части. Он не ходил сюда с осени и даже не подозревал, как на самом деле соскучился по журчанию ручья. На дубе, что рос неподалёку, сидели птицы. Они пели громко, заглушая журчание воды. Артур последний раз посмотрел на камни и в последний раз задумался о том, насколько они гладкие. Они идеально гладкие, сложно даже представить сколько лет они здесь пролежали. Артур вновь поднял взгляд, на несколько секунд посмотрел в даль ручья и спустился с мостика.

Камни остались на местах.

Родители Артура остановились у оврага, что был чуть ближе гор. В городе его называли Белым Оврагом. С того места, где они стояли, открывался вид на небольшую низину, небольшой пруд круглой формы, который в такую погоду казался ярко-ярко голубым. Справа, со стороны низины, темнели небольшие заросли, и из них выходила узенькая старая асфальтовая дорога. Она шла вперёд за пруд, за поляну и уходила в почти такое же узкое пространство между гор. Именно по ней Артуру предстояло идти. Отец его за прошедшую неделю только и говорил о том, как важно идти прямо по ней и никуда не сворачивать. Иногда он повторял это по нескольку раз за день, так, будто каждый раз делал это впервые, уточняя, понял ли его сын. Видимо, держа его в узде на протяжении восемнадцати лет, теперь отпустить было крайне не просто.

Артур бывал на овраге несколько раз. В основном зимой, когда всё вокруг было укрыто снегом, и он катался со оврага на санках. Везде ходили люди, осторожно и медленно перемещающиеся, как пингвины, взрослые и бодрые визжащие дети с красными щеками и весёлыми лицами. Теперь тут пели птицы, и кроме Артура и его родителей не было никого. Все трое осматривали низину молча, пока отец не повернулся к Артуру. Он положил свою руку на его плечо, улыбнулся и сказал, что пора. Артур тоже улыбнулся. Он посмотрел на родителей, взглянул на город, что провожал его светом, отражающимся от его каменных стен. Должен ли он навсегда остаться в его памяти таким? Артур ещё окажется здесь? Он вновь посмотрел на родителей. «А их я ещё увижу? — подумал он. — Услышу ли мамин голос, тихо читающий

сказку или отцовский бас, вещающий про коллекцию книг? Накормят ли они меня обедом за деревянным столом? Будут ли желать мне спокойной ночи перед сном, прикрывать дверь?» Артур не смог сдержать слез. Несколько секунд просто стоял, закрыв глаза левой рукой, ожидая, что родители заметят и успокоят его, но они не подали виду. Они даже не смотрели на него, смотрели в даль оврага, на старую асфальтовую дорогу, по которой их сыну предстояло идти.

Артур немного успокоился, пожал руку отцу, обнял мать и начал спускаться с оврага по кривой тропинке. Спустившись и пройдя ещё несколько шагов, он остановился, обернулся и помахал родителям. Вершина оврага теперь была далеко, они казались такими маленькими, но Артуру удалось увидеть, что они машут ему в ответ. Он ещё недолго постоял, смотря на них, а потом начал свой путь.

Всё, что дал в эту дорогу отец — старая карта, которая служила когда-то ориентиром и для него (судя по его словам, актуальности она не потеряла). Отметок на её туманно-бежевом фоне темнело немного: довольно детально был изображён овраг, рядом с ним сама дорога, а за ней, одна из главных точек маршрута — синий дом со светлыми окнами. Отец не стал углубляться в подробности, сказал лишь, что найти этот дом необходимо в первую очередь, уже потом можно идти к главной цели. Посетить некоего Эриха Вангхамена, что там проживает (это имя он записал на отдельной бумажке). Что же ждёт внутри этого дома и кто такой Эрих — оставалось Артуру загадкой не только в течении всей недели, пока он всё надеялся, что отец расскажет хоть что-то ещё. Оставалось и когда под ногами хрустел старый асфальт, а в одной руке тихо поскрипывал чемодан. Так или иначе, пропустить дом было нельзя.

Идти по дороге оказалось не так просто, как он полагал. Всё дело в том, что она действительно была довольно старой, и, если трещины в асфальте совсем не мешали пути, через кусты, иногда растущие по ширине всей дороги, приходилось пробираться с трудом.

Вокруг росли какие-то неизвестные деревья, довольно тонкие, высотой примерно с одноэтажный дом, но ветвистые и расположившиеся местами так близко друг другу, что пройти через их лес было бы непростой задачей. Впрочем, они не мешали, пока находились по сторонам, но примерно через час после начала пути, они стали появляться прямо на асфальте.

Судя по карте, маршрут до голубого дома должен был составить не более часа. Артур шёл уже два, а впереди кроме зарослей и потихоньку тонуший в них дороги ничего не было видно и слышно. Он начал беспокоиться. Прорвавшись через очередные кусты, он вышел на относительно чистую часть дороги. Впереди не было видно преград, кроме маленьких кустиков и трещин асфальте, по крайней мере в ближайших ста метрах. Артур присел на траву и достал карту, чтобы снова взглянуть на неё и проверить ничего ли он не упустил.

Он развернул свиток и нашёл изображение голубого дома. Действительно, маршрут до него был изображен совсем небольшим. Более того, по обеим сторонам той дороги, по которой он шёл, были нарисованы те же деревья, что окружали его сейчас. Что же это может значить? Может, он просто ошибается в масштабе? Да, тут про него ничего не написано. Артур судил о нём лишь по изображению оврага, расстоянию пруда от склона и леса от пруда. Однако, быть может, это изображение условно, необходимое только для того, чтобы убедить путника, что он начинает маршрут в правильном месте? Ну тогда расстояние до первой остановки может быть каким угодно. А что, если идти придётся до вечера? *Или до вечера следующего дня?* Артур попытался отогнать от себя тревожные мысли, что вдруг разом набросились на него голову.

Главное — он нигде не ошибается и идёт по правильной дороге. Всё просто — другой тут просто нет. Вернее, между гор проходит только две дороги: одна старая, по которой он идёт, а другая — та, на которой гудят машины.

Но что, если у этой дороги была развилка?

«Я бы её заметил,» — старательно успокаивал себя Артур.

А что, если она просто заросла, и ты прошел мимо?

Но на карте не указано никаких развилок, к тому же отец чётко и ясно дал понять, что идти надо вперёд. Только по этой дороге. Никуда не сворачивать.

Артур наконец встал с травы. Время терять было нельзя, и он это понимал. Взял в руку чемодан и продолжил свой путь.

Когда прошло ещё два часа, ему захотел есть. С собой мать ему дала два бутерброда с курицей, и на ближайшем относительно чистом участке пути они пришлись как нельзя кстати. Артур съел только один, второй решил оставить на запас. Когда он сидел на траве и ел, он вдруг обратил внимание, что из головы почти исчезли все беспокойства по поводу его пути. Больше не было тех тревожных мыслей, что преследовали его ранее, они все остались позади. В тот момент Артур будто был готов пройти ещё четыре часа без особого труда.

И он пошёл. И через четыре часа вновь сделал остановку. Должно быть, замедлил шаг, ведь теперь все дурные мысли вновь догнали его. Только теперь самым страшным показалось не то, что он может дойти до точки только на следующий день, а то, что он вообще не уверен в том, что ждёт его впереди. То, что он на самом деле мог что-то перепутать и теперь совсем не знает *куда* идёт. Может, дорога сейчас просто исчезнет, а может, маршрут перепутал не он, а отец. Сколько лет назад он тут ходил? Может, голубого дома уже нет. Может, от него остались только заросшие развалины, и Артур прошёл мимо них и ещё в начале пути?

А может, стоит развернуться, может, стоит вернуться домой и рассказать всё отцу?

«Иди вперёд только по этой дороге. Не разворачивайся и не сворачивай.»

Эти слова как гром раскатисто прозвучали в его голове. Надо было идти дальше. Хотя бы немного. «Может, осталось совсем чуточку, а я сейчас развернусь, и завтра мне придётся идти снова.»

Начинало темнеть. Не мог же отец отпустить его в такой путь, зная, насколько длинная дорога его ждёт, зная, что ему придётся ночевать в лесу? Нет, определённо точно, голубой дом должен быть где-то рядом. Артур продолжил свой путь, ускорился, ведь, на секунду заглядевшись в чашу, он увидел, как там уже потемнело. Он шёл и шёл, преодолевая кустарники, растущие сквозь старый асфальт, продираясь сквозь тернии, что старательно преграждали ему дорогу.

И вскоре стемнело совсем. У Артура был фонарь, но он не хотел его доставать. Он лишь ускорил свой шаг в надежде, что идти осталось совсем немного, и фонарь ему не пригодится. И вот, ещё через несколько тёмных километров он увидел свет. Да, глаза его не обманывали, это был свет, причём не из одного источника. Дорога вдруг стала чище и целее, Артур собрал все свои силы в кулак и бросился в бег. Он бежал несколько минут, бежал так быстро, как не бежал раньше никогда, и вот, перед ним открылась небольшая деревушка.

Артур перешёл на шаг, достал карту и принялся искать такой же дом, как на картинке. Все тут были либо чисто бревенчатые, либо каменные, не было ни одного крашенного, но вот, почти в самом центре деревни Артуру показался тот самый голубой дом. С такой же аккуратной крышей, как на рисунке, с такими же белыми узорчатыми оконными рамами. В окнах за ними горел тёплый свет.

Артур сбавил шаг. Он хотел как можно скорее зайти внутрь. Он подошел к крыльцу, поднялся, постучал в дверь и вновь отошел, жадным взглядом всматриваясь в неё, в ожидании, когда же она откроется. Раздались шаги, она открылась, пролив изнутри на тёмный порог немного тёплого света. В проёме показался среднего роста мужчина, на вид лет пятидесяти, с седой бородой и редкими короткими волосами. Он нахмурился, пытаясь разглядеть ночного гостя.

— Добрый вечер, — поздоровался Артур.

— И вам. Вы к кому, простите?

— Меня зовут Артур. Мой отец сказал, я должен найти этот дом, чтобы посетить...

Он достал отцовскую записку из кармана, так как вновь забыл имя.

— Посетить некоего Эриха Вангхамена.

Бородатый мужчина вдруг резко повеселел, его заспанное лицо озарилось светом.

— А, Артур Буцман? — спросил он совсем другим голосом.

— Да.

— Прости, я задремал и немного рассеян.

— Ничего, — улыбнулся Артур. Он почувствовал, как поднимается его настроение.

— Ну так заходи.

Эрих шире распахнул входную дверь и встал в сторону, на этот раз поделившись светом щедрее.

— Я как раз приготовил ужин.

Глава 3: «Синий дом со светлыми окнами»

Внутри дом от чего-то показался Артуру больше, чем он выглядел снаружи. За совсем миниатюрной прихожей, щедро заставленной всяким хламом, следовал коридор, который заканчивался спальней комнатой, а слева за открытыми дверями располагалась довольно просторная гостиная. Напротив неё темнел ещё один, главный дверной проём. Он вёл на заставленную свечами кухню. Каково было удивление Артура, когда после тёмного холодного леса, который не хотел заканчиваться до конца дня, перед ним предстал квадратный стол, усеянный всеми возможными яствами, такой едой, о которой Артур, растущий в небольшой семье, мог только мечтать, проходя мимо тёплых окон магазинов и ресторанов. Он весь день только шёл и лишь немного перекусывал, снова шёл, шёл, шёл, и опять немного перекусывал, и всё в совершенном неведении. Он не знал, что ждёт его в этом доме, не знал, сможет ли он там переночевать, и в какой-то момент даже сомневался, что сможет вообще его найти. Но вот он — синие деревянные стены, большие окна с белыми узорчатыми рамами. И внутри настоящая награда за долгий путь.

Эрих, видимо, заметил удивление Артура и обошел его, входя на кухню.

— Чувствуй себя как дома, — приятельски сказал он, подошёл к столу и стал разливать вино по бокалам.

Артур никогда прежде не пил алкоголь, ему всегда запрещали родители, говорили, что он слишком мал, и в таком возрасте это может вызвать у него раннюю зависимость, а это очень опасно.

— Вот подрастёшь, тогда будешь пробовать, — говорил отец.

Стоя на пороге кухни Эриха Вангхамена, наблюдая за тем, как в алой жидкости отражается свет свечей, Артур вспомнил, что уже достиг своего совершеннолетия, однако всё-таки что-то заставило его сомневаться. Он решил довольствоваться едой, по крайней мере в этот вечер.

— Ты в порядке? — с шуточной настороженностью спросил Эрих.

— Да, я, в порядке. Простите, просто очень устал.

— Ещё бы! Переночуешь здесь, завтра утром продолжишь свой путь. Тебе надо набраться сил. Давай, садись!

Артур сел за стол.

— Какое-то время они молча ели, потом Артур прервал тишину, задав весь вечер интересующий его вопрос:

— Откуда вы знаете моего отца?

Эрих сделал громкий глоток вина и поставил бокал в сторону.

— Мы с ним знакомы с детства.

— Ого.

— Да, наши родители довольно тесно общались, так что мы провели много времени и в песочницах, и в пабах, а потом и даже на работе.

— Вы работали вместе?

— Да.

— Где?

На лице Эриха промелькнула не самая приветливая улыбка.

— А ты не знаешь где работал твой отец?

— Почему? Он работал в трактире, но...

— Что «но»? Именно там мы и работали.

— Я вас там не разу не видел.

— Я тебя тоже.

Эрих рассмеялся, и звонкий смех его оказался настолько заразительным, что Артур смеялся тоже.

— Я работал недолго. — сказал Эрих, как только перестал смеяться. — Возможно, ты просто меня не застал.

— А почему вы поселились здесь?

— Это дом моих родителей. — он взял со стола жареную куриную ножку и довольно жадно вгрызся в неё своими зубами. У него получилось сделать это удивительно аккуратно. — Какое-то время я думал о чём-то большем, о жизни в городе. То есть в Хтинске, потом, когда уже переехали сюда, стал задумываться о столице, но знаешь, это всегда так надоедает.

— А вы были в столице?

— Был, несколько раз. Там ужасно суетливо, мне кажется, я бы не смог там найти себе места. В Хтинске же совсем не так.

— Да. Людей меньше и...

— Да, ты прав но у меня порой возникает потребность... Это ещё с подростковых лет... Потребность уединиться.

— Угу.

Артур подумал, что у него с собеседником много общего.

— Понимаешь о чём я?

Артур охотно кивнул, кусая мягкий хлеб.

— Ну вот. Выйти на улицу, подышать свежим воздухом, походить в разные стороны и быть... Независимым. От чужих взглядов. А в городе этих взглядов...

Эрих положил обглоданную кость на тарелку, взял салфетку, которой быстро, но тщательно вытер руки и взял бокал.

— Здесь ничего этого нет. Людей очень мало, а если они и есть — вокруг леса и поля, и нет никакого труда отойти от цивилизации.

— Да... — вновь согласился Артур.

— А ты хотел бы здесь жить?

— Не знаю...

— А где хотел бы?

— Я тоже много думал про столицу, но сейчас... Возможно, я хотел бы остаться в Хтинске, но я мало где был и не знаю, быть может, мне понравится что-то ещё.

— Хтинск очень хороший город. Если бы не это место, я однозначно бы жил там. А почему ты не пьешь? Вот же. Я налил.

Эрих поставил бокал Артура ближе к нему.

— Я не пью.

— Да ладно тебе.

— Да.

— Будешь говорить это своему отцу, а пока пей спокойно, я ему не скажу.

— Я правда не пью.

Эрих ненадолго замолчал.

— Не пьешь или просто не пил? — Голос Эриха стал ниже, но не суровее.

— Не пил и пока не хочу. Как-нибудь потом.

— Ладно, как хочешь, я не настаиваю.

Эрих вернулся к своему бокалу.

Потом они ели не так активно, Артур рассказал про свой путь, Эрих про жизнь в деревушке. Артуру так понравилось, как тот его слушает, кивает, иногда смеётся, что ему с таким же интересом хотелось слушать и его, хотя садоводство и доение коз — темы, честно сказать, не из интересных.

Потом Эрих пошёл показывать Артуру место для сна, он подготовил для него спальное место в гостиной, выделил пижаму. Когда они разошлись по спальням, часы показывали половину третьего ночи. Артур переоделся и лёг в кровать. Рядом на комодe стояла лампа, горела с тихим тлеющим звуком. Матрас казался ему самым мягким, на нём даже не хотелось засыпать, просто лежать, погружившись в тёплую пелену ночных мыслей, замотавшись в одеяло.

В голове Артура вдруг короткими, отчётливыми образами прокрутился его вчерашний поход. Этот сухой нескончаемый асфальт, трещины в нём, кусты, что местами торчали из них, ветки, что преграждали путь. И потом темнота, мысли о том, что он, возможно, ошибся и уже давно прошел искомый им дом. Ещё одна картина, которую он видел перед глазами, когда невольно поворачивался в стороны последние часы пути. Он представлял этот синий дом, деревянный дом с белыми узорчатыми оконными рамами, только уже разрушенный, пустой, с одной лишь темнотой за большими битыми стёклами. Зброшенный дом, стоящий в этой тёмной чаще леса. Дом, к распахнутому тёмному входу в который не ведёт даже тропа.

Но вот, сейчас он здесь. А лес позади. Старая битая дорога так и лежит в темноте, по ней никто не идёт. В чаще тишина и темнота. Там тоже никого нет.

Утро наступило довольно быстро. На самом деле, как выяснил Артур, взглянув на часы, поспать ему удалось целых восемь часов, но они для него пролетели удивительно быстро. Он, как казалось, ни минуты не пролежал, пытаясь заснуть: просто моргнул, и наступило утро. Усталость почти никуда не делась, разве что ходить теперь было не так трудно, как вечером накануне.

Артур не сразу понял от чего проснулся: не то от утреннего света, что заполнял собой все пространство комнаты, не то от пения чаек, которое в один момент стало слишком близким. Вдруг из коридора послышался довольно настойчивый стук в дверь. Артур понял, что слышал его только что и проснулся именно от него.

— Артур! — раздался голос Эриха из-за двери.

— Да?

— Проснулся? Приходи на кухню.

Пение птиц удалилось. За окном стоял солнечный и, как было видно по тому участку неба, обзор на который открывался из окна гостиной, совсем безоблачный день. Артур потянулся и не спеша сел. Вдруг его щека будто почувствовала прикосновение холодной листвы. Он встал с кровати посмотрел на себя в зеркало, чуть пригладил волосы и убедившись, что сон не оставил след на его лице, пошёл на кухню.

На столе стояла одна тарелка яичницы с беконом и томатами, рядом стакан, судя по цвету, яблочного сока. Эрих читал газету, сидя на своем стуле, но, заметив Артура, отложил её и улыбнулся.

— Присаживайся! — сказал он. — Тебе надо поесть.

Артур сел, взял вилку и принялся за завтрак. В какой-то момент он взглянул на газету, что читал Эрих. Откуда тут газета, подумал он, но не стал придавать этой мысли особого значения, ведь в этот момент его больше интересовала еда. Он попробовал яблочный сок, однако вкус показался ему незнакомым.

— Что это? — спросил у Эриха Артур.

— Это... А, а это компот из дюшеса. Нравится?

— Да.

Эрих улыбнулся, но Артур почему-то не стал задерживать взгляд на этой улыбке, как делал это обычно. Она показалась ему не очень приятной. Он продолжил есть, а когда доел по привычке взялся за тарелку и собирался убрать её к раковине, но Эрик его остановил.

— Оставь. Я её помою сам, садись.

Тот послушно сел.

— Нам нужно обсудить твой дальнейший путь.

Артур кивнул. Ему было невероятно интересно узнать, что ждёт его, когда он придёт к цели. И теперь, сытый и хоть относительно, но отдохнувшей он был готов идти дальше, готов к новым приключениям. К тому же погода на улице вызвала у него в голове образ того каменного здания, которое его ждёт. Он представил, как оно выглядит сейчас, залитое солнцем и отражающее его во всех направлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.